

*Поклонникам, благодаря которым
это стало реальностью*

ПРОЛОГ

Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы.

Евангелие от Матфея 13:39

ериф вошел и устроился в кресле. Он снял шляпу, закинул ноги на стол и наградил девушку тяжелым взглядом:

— К чему все это?

— Ты знаешь к чему, — откликнулась Мэри Мэй. — И мне интересно, что ты с этим будешь делать?

Шериф поковырял ногтем поля шляпы, подцепил невидимую соринку и отшвырнул прочь. Когда-то он был наездником на быке. Мэри Мэй помнила его с детства. Па и ма брали ее с братом на родео. Там она видела этого человека. Тогда он был поджарым и молодым. Она стояла прямо на досках ограждения и смотрела, как он выезжает из ворот. Все кричали, пока он лишь каким-то чудом держался на беснующемся быке и грязь летела во все стороны из-под копыт. В тот момент он казался бесстрашным, выглядел настоящим героем. Совсем не то, что сейчас.

УРБАН УЭЙТ

В итоге, оставив шляпу в покое, шериф выпрямился и взглянул ей прямо в глаза.

— Дьявол тебя подери, Мэри Мэй, ты же прекрасно знаешь, что я ничего не могу сделать. Знаешь, что это был всего лишь несчастный случай. А если и нет, то все равно черта с два в моей власти хоть что-то.

— Несчастный случай? Па отправился туда за Дрю. Он сорок лет крутил баранку. Что свой грузовик, что рабочий — ни разу и царапинки не было. И ты мне говоришь про несчастный случай?

— Я соболезную твоей потере, но ничего не поделать.

В глазах шерифа читалось искреннее сочувствие, и Мэри Мэй даже стало его жаль. Она знала, что он говорит правду.

— Думаешь, они и тебя так же подтолкнут? Так, что ты слетишь с обрыва?

— О чем это ты?

Но она лишь улыбнулась в ответ, обвела взглядом комнатушку, а затем уставилась на шляпу, так и лежащую на столе между ними. Девушке еще не исполнилось и тридцати, а она уже потеряла почти всех, кто был ей дорог. И ощущение было таким, будто все они ушли в одночасье. Ей остались лишь бар и ярость, постепенно зреющая в груди.

— Дрю все еще где-то там, — помолчав, проговорила она. — Я собираюсь забрать его. Или хотя бы рассказать, что па больше нет. Вот о чем я.

Оттолкнувшись ладонями от стола, она поднялась и нервно одернула край футболки поверх джинсов. На шее, под собранными в хвост русыми волосами чуть ниже плеч, неистово билась жилка, но у Мэри Мэй не было ни сил, ни желания успокаиваться.

Она почти дошла до двери, когда голос шерифа заставил ее остановиться.

— Я был там однажды. — Мэри Мэй сдавила ладонью дверную ручку и посмотрела на него через отражение в стекле; нанесенные буквы не мешали видеть, что мужчина тоже поднялся на ноги. — Меня пригласили... Пригласили присутствовать на одной из служб.

Она медленно обернулась.

— Мне приходилось иметь дело с придурками, планирующими выжить после конца света или же сдохнуть во время него. — Шериф вышел из-за стола. — С семьями, живущими в холмах без воды или электричества. Только представь: бабка с внуками ютилась на койке, пока мать с папашей заделывали очередного выродка. С оружейными психами. Бункерами и закрытыми зонами. Вольнодумцами, анархистами, нигилистами, демократами и одному богу известно кем еще. Но поверь на слово, я никогда не сталкивался ни с чем, подобным тому, что увидел во «Вратах Эдема». Та убежденность, та сила, которую они придают словам своего Отца, — это зараза, и она буквально заползает под кожу. Они веруют, понимаешь? Каждый из них. Не хотелось бы наговаривать или ставить под сомнение их убеждения, но, признаюсь, ничего более жуткого мне не встречалось. И ничего мне с этим не поделаться, потому что, сама понимаешь, все совершенно законно.

— Долго репетировал? — только и спросила Мэри Мэй.

— Каждый вечер повторяю перед сном.

Девушка шагнула обратно к двери и открыла ее, бросив через плечо перед уходом:

УРБАН УЭЙТ

— Там мой брат. И кроме него у меня никого не осталось.

Мэри Мэй была уже на полпути к горам, когда заметила белый церковный пикап в зеркале заднего вида. Следующие пять миль он неотступно двигался за ней. На каждом повороте, на каждом перекрестке она бросала взгляд на остающуюся позади дорогу, пустую до самого горизонта, и каждый раз машина преследователя вновь возникала в поле зрения. Можно было подумать, что ее красный «Форд» и белый пикап сцеплены невидимым тросом — настолько очевидным было преследование.

Еще милю спустя она съехала на обочину и заглушила мотор, а затем вытащила из бардачка старый хромированный отцовский револьвер и положила на приборную панель перед собой. Ей совсем некого было попросить о помощи... Во всем округе Хоуп не было ни одного человека, к которому можно было бы обратиться, так что она просто ждала, пока пикап вынырнет из-за ближайшего поворота.

Когда пикап затормозил рядом, Мэри Мэй узнала мужчину за рулем. Это был Иоанн Сид. Она знала его полжизни и почти все это время считала самым обычным человеком и не более того. Но оказалось, что он представлял опасность и для нее, и для любого, кто рискнул бы встать у него на пути. Вместе с братом он управлял «Вратами Эдема», а потому, если кто и знал, что произошло с ее отцом или как найти ее брата, так это Иоанн Сид.

Глядя в зеркало, она наблюдала, как мужчина открыл дверь и вышел из машины. Он был лет на десять старше нее, выше среднего роста, с темными волосами и густой

каштановой бородой. Она поймала его взгляд, прежде чем он вновь склонился к машине и вытащил что-то. Мэри Мэй подумалось, что это мог быть пистолет, но уверенности не было; потом он спрятал предмет под рубаху и не спеша направился к «Форду». Когда он приблизился, девушка припустила боковое стекло.

— Боишься? — спросил Иоанн вместо приветствия.

— А стоит? — ответила она вопросом на вопрос, глядя ему прямо в глаза.

Он помолчал пару секунд, а потом вытащил руку из кармана и медленно провел пальцами по краю окна.

— У тебя есть лицензия на эту игрушку? — движением руки и легким кивком он указал на револьвер.

Мэри Мэй невольно проследила за его движением, а когда спохватилась, Иоанн уже отступил на шаг, как будто предполагая, что она может пустить оружие в ход. С легким удивлением она ответила:

— Это отцовский.

Он вновь помолчал, как будто прикидывая, что на это сказать.

— То, что с ним произошло, печально, — наконец проговорил он, и это прозвучало почти искренне.

— Он ехал сюда, чтобы забрать Дрю, когда это случилось.

— Вот, значит, как?

— Теперь я хочу увидеть брата и попросить его вернуться домой.

— Об этом мне тоже известно.

— Надо же.

— Конечно. — Иоанн медленно кивнул. — Мне многое рассказывают. Например, я слышал, что ты продолжаешь

УРБАН УЭЙТ

продавать алкоголь в своем баре, хотя мы просили тебя прекратить. И это лишь один из примеров.

Мэри Мэй посмотрела на собеседника как на идиота, хотя прекрасно знала, что он никак не глуп.

— А как мне держать бар без спиртного?

— Никак.

Это было сказано как нечто само собой разумеющееся, но Мэри Мэй прекрасно поняла, что кроется за этим словом. Впрочем, сейчас ее занимали более насущные вопросы:

— Вы знаете, где мой брат?

— Знаю. Он с нами.

— Он знает, что произошло с па?

— Знает.

— Вы отпустите его?

— Он волен уйти, когда пожелает. Я не тюремщик.

— Разве?

— Это все, что я могу тебе сказать.

Не глядя Мэри Мэй опустила руку, нащупала ключ зажигания и повернула его. Двигатель машины послушно заурчал. Девушка выпрямилась и устроила руки поверх руля. Блестящий револьвер по-прежнему лежал на приборной панели и едва слышно дребезжал от вибрации.

— Что ты собираешься делать?

— Забрать своего брата.

— Подумай, — медленно проговорил Иоанн. — Ты же умная девочка.

Это прозвучало так, будто он знал что-то, чего не знала она, и Мэри Мэй буквально возненавидела его в этот момент. Иоанн приблизился на шаг, и девушка подалась вперед, как будто уже была готова схватиться за револьвер.

— Не стоит усложнять. — Мужчина остановился. — Почему бы тебе не развернуться и не отправиться обратно в долину, пока не случилось непоправимое?

Вместо ответа Мэри Мэй надавила на газ, и машина послушно рванулась вперед по дороге. В зеркало заднего вида девушка увидела, как Иоанн вытащил то, что прежде прятал под рубашкой. Когда он поднял предмет к губам, девушка сообразила, что это рация. И вряд ли то, что он сейчас говорил, сулило хорошее.

Добрая миля осталась позади, прежде чем Мэри Мэй переложила револьвер с панели на сиденье рядом с собой и прижала бедром, чтобы не свалился на очередном повороте. Дорога петляла и поднималась все выше в горы, и девушка постоянно всматривалась в зеркало заднего вида, уверенная, что Иоанн будет ее преследовать.

И вот за очередным поворотом она увидела перекресток, а на нем — два пикапа и четверых мужчин рядом с ними. Все были вооружены, но издалека Мэри Мэй не могла разглядеть, винтовками или автоматами. Девушка резко нажала на тормоз и остановилась. Она вытащила револьвер и проверила барабан. Здравый смысл требовал развернуться и поехать прочь, но она прекрасно понимала, что в этом случае подведет брата. Отступить сейчас значило предать его, предать все, предать всю семью, предать то, за что так ясно боролся отец.

Она включила заднюю передачу, обернулась, перекинув руку через спинку сиденья, и нажала на газ. Шины «Форда» послушно закрутились, и машина двинулась назад. Поднимаясь сюда, Мэри Мэй успела приметить небольшую проселочную дорогу, отходящую от основного пути, и теперь хотела добраться до нее, пока еще была возможность.

УРБАН УЭЙТ

Но стоило свернуть на повороте, как она заметила и плакал Иоанна.

Наверное, с ее отцом было то же самое. Мэри Мэй вспомнила, как они его нашли. Вывернутые колеса, разбитое лобовое стекло, огромный грузовик, покореженный и изуродованный. И ни одного свидетеля. Ни одной улики. Никакого намека на то, что случилось. Он был мертв, и она теперь шла по его следам, отчаянно стремясь вернуть брата. Ей вспомнились слова Иоанна. То, что он сказал, то, что читалось между строк. Сомнений практически не осталось: смерть ее отца не была несчастным случаем.

Она и не подумала тормозить. До машины Иоанна оставалось совсем немного, когда она, наоборот, вдавила газ в пол, так что двигатель оглушительно взревел, и крутанула руль влево, стоило только заметить вождеденный съезд. «Форд» затрясло на гравии, и теперь она гнала вверх по склону, по-прежнему продолжая движение задом наперед. Шины скрипели, мелкие камушки барабанили по бокам и днищу, но одного беглого взгляда в лобовое стекло было достаточно, чтобы понять, что дела плохи. Иоанн следовал за ней сквозь облако пыли, а дальше по дороге два плакапа тоже снялись с места и бросились в погоню.

Стрелка спидометра перевалила за сорок миль в час, а Мэри Мэй так и продолжала двигаться задним ходом. На узкой дороге не стоило и думать о том, чтобы развернуться. Нога на педали, рука на спинке, взгляд на дороге — все сейчас зависело только от этого. Гравий закончился, и теперь под колесами простиралась обычная лесная грязь. Периодически машина попадала в яму, и тогда вверх взлетали комья земли и темной жижи, кляксами оседающей на стеклах. В эти моменты задняя часть «Форда» выглядела